

ПИЛОТ-СМЕРТНИК

«ПОПАДАНЕЦ» НА ИЛ-2

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Попаданчество

Юрий Корчевский
**Пилот-смертник.
«Попаданец» на Ил-2**

«Феникс»

2014

Корчевский Ю. Г.

Пилот-смертник. «Попаданец» на Ил-2 / Ю. Г. Корчевский —
«Феникс», 2014 — (Попаданчество)

ISBN 978-5-222-39673-5

Он всегда хотел стать пилотом – но летать ему суждено не в мирном небе наших дней, а в пылающих небесах Великой Отечественной. Он не успел закончить современный аэроклуб – и доучиваться будет уже на передовой, сражаясь на легендарном «летающем танке» Ил-2. В 1941 году «горбатые» жили на фронте в среднем пять боевых вылетов – и «попаданцу» не избежать общей судьбы: придется ему штурмовать вражеские позиции под ураганным зенитным огнем и драться с «мессерами», гореть в подбитом «иле», прыгать с парашютом над оккупированной территорией и пробиваться к своим из-за линии фронта, хлебнуть лиха в особом отделе, попасть под трибунал – и вновь вернуться в строй, став торпедоносцем-смертником, чья продолжительность жизни была еще меньше, чем у штурмовиков...

ISBN 978-5-222-39673-5

© Корчевский Ю. Г., 2014

© Феникс, 2014

Содержание

Глава 1. Катастрофа	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Корчевский Юрий Григорьевич

Пилот-смертник. «Попаданец» на Ил-2

Глава 1. Катастрофа

Учебные пары закончились, и Иван спешил на трамвай. От Лингвистического университета до электрички можно пройти пешком, не так далеко, да и он не старик, всего двадцать два года, – но тогда он точно опоздает на электропоезд. Два дня в неделю он ездил в соседний город – Ессентуки, где базировался аэродром ДОСААФ. Эти дни были самыми любимыми – ведь он мог летать, полеты же были его страстью. После окончания школы он попытался поступить в военное летное училище, но в те годы шло активное, если не сказать безумное, сокращение военных училищ. Неразбериха, высокий конкурс на место, и в итоге – он оказался за бортом. Успел поступить в Иняз, на отделение романских языков. Почему именно туда, он и сам объяснить не мог. Наверное, выбор больше не сердцем, а прагматизмом продиктован был. Границы открыты, наши люди за рубеж ездят, туристы и делегации к нам приезжают – язык лишним не будет.

Родители его выбору удивились, но перечить не стали: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы по подворотням с оболтусами не общалось да на наркотики не подсело.

Но, как ни странно, учеба Ивана увлекла. Девчонок в группе было большинство, а парни хоть и в исчезающем меньшинстве, зато компанейские и умом не обделены.

Однако по авиации Иван скучал. Он скачал на ноутбук все авиационные игры и частенько резался по вечерам, а зачастую – и ночью. Только игры скоро надоели: не было в них настоящего драйва, адреналина. Так, эрзац вроде соломенных валенок у немцев в Великую Отечественную.

А потом как-то на празднике он увидел самолеты аэроклуба, чешские «Л-410» и «Л-39», устаревший «Як-52», выполнившие фигуры высшего пилотажа под крики и аплодисменты восторженных горожан, и сердце защемило: почему не он там, в одном из этих самолетов? С праздника ушел, не досмотрев и в плохом настроении. Дома сразу сел за комп, искать адрес и телефоны аэроклуба. Он был один на все Кавминводы, а это целый конгломерат маленьких курортных городков с общей численностью за миллион человек. От города до города рукой подать, и иногда невозможно понять, где заканчивается один город и начинается другой.

В ближайшую субботу, после окончания занятий, взяв документы, он поехал в аэроклуб. А потом медкомиссия – и вот он уже курсант. Долгие часы и дни теории, потом полеты с инструктором, города сверху как на ладони и горы – вот они, совсем рядом! Бештау, Машук, Железная, а недалеко – и двуглавая, вечно покрытая снегом вершина Эльбруса. И сопровождающее все это пьянящее чувство полета.

После первого полета он был оглушен и даже переговоры по СПУ – самолетному переговорному устройству – помнил плохо. Инструктор только спрашивал его:

– Ты как?

– Нормально! – орал Иван.

Распирающий грудь восторг, когда инструктор дал подержаться за ручку управления, послушные движения самолета... Вечером он взахлеб рассказывал об этих ощущениях друзьям, а те слушали из вежливости и кивали. Ну, полетал – чего же здесь такого? Многие летали пассажирами. Однако когда приземлялись, испытывали облегчение. Полет удался, сели невредимыми. И чего Иван захлебывается от восторга? Самолетик маленький, даже не реактивный, прошедший век.

Но, видимо, не было у них бензина в крови. Иван же небом заболел всерьез, как другие теряют голову от любви. В группе об учебе в аэроклубе и полетах он не говорил – не поймут, у девочек только и разговоров что о моде и парнях – кто как посмотрел и что сказал. А одногруппники к технике равнодушны были, зато от гаджетов не оторвать. И выдумали же словечко – гаджет! Прямо из мира рептилий, гадов пресмыкающихся! Не нравились ему эти перекосы, когда реальному общению люди предпочитали виртуальное. Но недовольство свое он не выражал никак, каждый сам волен выбирать себе дорогу. Каждый из мальчишек в свое время мечтал стать военным или пожарником в блестящей каске, а вырастали – и деньги заслоняли собой все, заменяя порой чувства, любовь.

А сегодня особый день, и опаздывать было никак нельзя. Предстоял первый самостоятельный полет, без инструктора в задней кабине.

Волновался ли Иван? Конечно! Но все шло отлично. На электричку успел, к аэродрому почти бежал. Быстро переоделся в летный темно-синий, уже застиранный комбинезон, надел шлемофон. Вместе с инструктором повторил план полета и даже прошел пешком по летному полю, кистью руки изображая самолет. Потом с техником обошел самолет, как положено по инструкции. Шасси, рули поворотов, элероны, винт – все осмотрел бегло. Делал он это уже не раз, но сейчас – как внове, ведь рядом уже не будет инструктора, только связь по радио.

Иван поднялся в кабину, застегнул привязные ремни парашюта. Запустив двигатель, проверил показания приборов и сделал жест – убрать колодки! Потом вышел на связь с КДП – контрольно-диспетчерским пунктом.

– Выруливаете на взлетную полосу, взлет разрешаю, – услышал в ответ.

Дав рычаг управления двигателем вперед, он отпустил тормоза, и самолет, подпрыгивая на кочках вроде бы ровного на первый взгляд поля, покатился вперед. «Чулок», как его называли авиаторы, показывал направление ветра. Иван осенил себя крестным знамением. Человеком воцерковленным он не был, но в церковь иногда заходил. Он дал газ, и самолет, пробежав совсем немного, легко поднялся в небо. Момент отрыва от полосы нетрудно было ощутить по тому, как перестали вдруг стучать колеса.

Иван убрал шасси, повернул кран. Так, теперь ручку легонько на себя. Земля разом уходит вниз, отдаляется. Впереди только капот, а за ним – диск винта. Дальше – только бездонное небо. Красота!

Набрав девятьсот метров, он стал выполнять фигуры по плану – вполне простенькие: вираж, горка, полет по кругу.

Первый самостоятельный полет по кругу короткий, четверть часа всего. Но мотор, надежный и испытанный временем, вдруг чихнул и замолк. Иван на секунду растерялся, но быстро пришел в себя и попробовал запустить двигатель снова. Попытка не удалась. Мотор чихал, но не заводился. В наушниках Иван услышал голос инструктора:

– Что случилось?

– Двигатель встал. Пытаюсь запустить, но не получается.

– Ты только не паникуй, аэродром рядом. Разворачивайся на девяносто влево – и полоса перед тобой.

Иван выполнил указания. Взглянув на стрелку высотомера, он увидел, что там уже семьсот метров. Как положено, выровнял капот прямо на взлетно-посадочную полосу. Однако то ли он резковато заложил вираж, то ли еще что, но скорость у машины упала, и самолет свалился в штопор.

Ивана пробил холодный пот, а в наушниках он услышал крик инструктора:

– Выводи! Ручку вперед, правая нога вперед!

Иван моментально выполнил все действия. Они были вызубрены еще на земле, и он без указания инструктора сделал то же самое.

Самолёт замедлил вращение и стал поднимать нос. Поздно! Высота терялась катастрофически, ее не хватило совсем немного, и самолет плашмя ударился центропланом о землю. Пыль, грохот! Единственное, что успел Иван, – перекрыть кран подачи топлива, чтобы не произошло возгорания. Что самолет, что автомобиль – вся эта техника сделана из металла, и, кажется, гореть, кроме топлива, там вроде бы и нечему, а вот поди ж ты, сгорают за несколько минут. Да что самолет, танки, где одно толстенное железо, горят, как газовые факелы на буровых.

От удара Иван потерял сознание.

Когда он очнулся, уже смеркалось, и он сначала очень удивился – неужели после падения прошло уже столько времени? Потом возник другой вопрос: а где «пожарка», где «Скорая», где инструктор и другие сотрудники аэродрома? Почему не спешат на помощь?

Он прислушался к своему организму. Вроде не болит ничего, а ведь должно после такого удара... Ощупал ноги, руки – все было цело. Расстегнул лямки парашюта, попытался отстегнуть плечевые ремни и как-то мельком обратил внимание на то, что замок у них странный, не такой, к которому он привык. Бросил взгляд на приборную панель и замер. Он понимал, конечно, что надо как можно быстрее покинуть самолет, в любую минуту мог произойти взрыв, начаться пожар, но он не мог поверить своим глазам: панель приборов даже отдаленно не напоминала панель самолета «Як-52». Неужели он так сильно ударился головой, что у него началась галлюцинация?

Иван сдвинул почему оказавшийся очень тяжелым фонарь, отстегнул замок ремней привязной системы парашюта и с третьей попытки выбрался из кабины. Отбежав на безопасное, с его точки зрения, расстояние, он оглянулся. Мамочки мои! Да ведь это самолет не его, вернее – не ДОСААФ!

Перед ним был самый настоящий истребитель времен Второй мировой войны. Красные звезды на крыльях и крупно бортовой номер – 019. Самолет был сильно поврежден, крылья почти оторваны, но фюзеляж цел и лопасти винта торчали. Хм, а ведь если бы двигатель во время удара о землю работал, лопасти были бы погнуты. Какая-то нелепость!

Еще не веря в реальность, он сильно ущипнул себя за руку и скривился. Больно! Стало быть, это не сон и не глюки. Иван осмотрел себя. Комбинезон тот же – даже ботинки его. А самолет чужой. Как такое могло быть?

Над его головой, низко, метрах в ста, с ревом прошел самолет. Иван поднял руку, чтобы помахать летчику, да так и застыл – на самолете были немецкие кресты!

Самолет резко набрал высоту, развернулся с переворотом и с пикирования открыл огонь. Иван сначала увидел вспышки на крыльях, где стояли пулеметы, а потом на земле – фонтанчики от пуль. За ревом мотора звука выстрелов не было слышно.

От невероятности происходящего он застыл на месте. Фонтанчики от пуль прошли совсем рядом, пули градом застучали по крыльям. Иван успел опознать модель немецкого самолета – настоящий «Me-109 BF», иначе говоря – «мессер».

Ни фиги себе! Да как же это? Жив он или уже на том свете? А как же университет, родители? Они же волноваться будут!

«Мессершмитт» улетел, превратившись в точку, а Иван сел на искореженное крыло и задумался. Что делать? Если это реальность, то куда идти? У него ведь нет ни малейшего представления о том, какое сейчас время и в какой стороне наши. И есть охота, как будто целый день не ел.

Он пошарил по карманам – ничего. Никаких документов или чего-нибудь съедобного. Блин, вот это он попал! Но надо что-то делать, не сидеть же у самолета. Прилетит еще какой-нибудь немец, стреляющий более точно. А впрочем – не прилетит. Уже начинало смеркаться. Еще четверть часа – и солнце скроется за горизонтом. Стоп! Восток же в другой стороне, вот туда и надо топать.

Иван шел до темноты, пока едва не упал, зацепившись за кочку. Местность была ему незнакома – неровная степь и лес. Он побрел к темнеющему лесу и сел на опушке, опершись спиной о густую ель.

На востоке погромыхивало. «Наверное, дождь будет, гроза, а ель укроет на первое время», – подумал он. Откуда ему было знать, что это гроыхает пушками далекий фронт, а не гроза?

Посидев так немного, он почувствовал, как навалилась усталость, свернулся калачиком и уснул.

Проснулся Иван от треска мотоциклетных моторов. Уже рассвело, и в летном комбинезоне стало как-то зябко. Слегка приподнявшись, он увидел, как по лугу едут три мотоцикла с колясками. Первым желанием его было выскочить из-под ели и побежать им навстречу, но он поосторожничал, и, как оказалось, не зря. Когда мотоциклисты приблизились, он увидел, что это немцы. Мышиного цвета мундиры, угловатые стальные шлемы, номера на переднем крыле.

Иван замер: неужели он в немецком тылу? От такой догадки по спине побежали мурашки.

Мотоциклисты направились к подбитому и покинутому им самолету – они явно искали пилота. Остановившись у истребителя, они заглушили моторы, по очереди заглянули в кабину и стали совещаться. Потом вновь оседали своих железных коней и уехали.

Иван перевел дух. Истребитель был сильно поврежден, и он не мог определить его тип – «МиГ-1» или «ЛаГГ». А впрочем, зачем это ему сейчас нужно?

Он пошел по опушке леса – должна же быть поблизости какая-нибудь деревня или хутор. Он хоть узнает, где находится, где наши, кусок хлеба выпросит. Еще бы оружие ему, а то возьмут голыми руками, а попадать в плен ему не хотелось.

Через полчаса хода показались крыши нескольких домов. Бедно сельчане живут: крыши соломой крыты, проводов со столбами не видно, стало быть – электричества нет и радио отсутствует в принципе.

Иван хотел сразу пройти к хутору или починку, но осторожность возобладала. Он залег на опушке и стал наблюдать. Изредка из домов выходили жители – сплошь пожилого возраста. Они кормили кур, косили траву, чистили хлев. Немцев видно не было, и он решился. Перебежками подобрался к околице и только хотел перемахнуть через плетень, как в огород за избой вышел дед.

– Эй! – окликнул его Иван.

– Кто тут? – насторожился дед.

– Я свой, русский. Немцы в деревне есть?

– Не было еще.

Иван осмелел и встал во весь рост. Дед подслеповато сощурился:

– Сталинский сокол?

– Да. Сбили меня.

– Так я видел! Вон там твой аэроплан упал. – Дед показал рукой в ту сторону, откуда пришел Иван. – А потом немец летать стал низко и стрелять.

– Ну да, точно. Только он не попал. А где линия фронта? Где наши?

– Да разве ж я знаю? Мне никто не докладывает.

– Пожевать чего-нибудь у вас не найдется? С утра во рту маковой росинки не было.

– Так ты заходи в избу. Разносолов у нас с бабкой нет, однако накормим.

– Вот спасибо! – Иван перемахнул через плетень, и дед усмехнулся: – Идем.

Они зашли в избу, и дед распорядился:

– Бабка, гость у нас, сталинский сокол. Собери на стол поснедать.

Женщина засуетилась, поставила на стол чугунок с вареной картошкой, на миске – несколько огурцов, головка лука и несколько ломтей ржаного хлеба. По его теперешнему положению – прямо роскошное угощение.

Иван принялся за еду, и вареная картошка показалась ему необыкновенно вкусной. С голодухи или и впрямь вкусная?

Прожевав немного, Иван спросил:

– А какое сегодня число?

Дед обернулся к отрывному календарю, висевшему на стене, и обстоятельно заявил:

– Двадцать шестое июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

– А деревня ваша где?

– Известное дело где – в Белоруссии.

– А район? Город какой поблизости?

– Хутор у нас, не деревня. Называется Сняты. А город Слуцк. Правда, до него верст десять-пятнадцать. Да кто их считал, версты эти?

Вот это Иван попал! Начало войны, самое тяжелое время. Наши отступают по всем фронтам, несут потери, в штабах неразбериха. А сверху идут приказы – отбросить врага контрударом. А чем отбросить, когда только за первый день войны Западный Особый военный округ потерял сорок процентов самолетов? И почти все они были сожжены на аэродромах во время налетов вражеской авиации. И летчиков было потеряно много. Летуны имели голубую униформу, и немецкие летчики высматривали их среди отступающих частей. Не редкость было, когда «мессер» гонялся за одиноким авиатором, пытаясь его расстрелять.

Иван, получив важную для себя информацию, продолжил еду, дед же, в свою очередь, стал задавать ему неудобные вопросы:

– Ты вот объясни мне, милоч, как так получилось? Парады проводили, товарищ Сталин говорил, что врага будем бить на его территории. А гуторят – немцы уже под Минском.

– Неожиданно напали, отец. Погоди, подойдут из тыла подкрепления – мы еще погоним его с нашей земли.

– Ох, чует мое сердце – не скоро это будет! У немца армия сильна, по себе знаю. Воевал я с ними с пятнадцатого по семнадцатый год.

– Не говори так больше никому, дед.

– А кому ты доложишь?

Продолжить разговор они не успели – послышался далекий шум.

– Сынок, посмотри, – что там?

Иван выглянул в окно. Из-за угла показался бронетранспортер, смахивающий на железный гроб, и три мотоцикла.

Иван только крикнул:

– Немцы пожаловали!

Он схватил со стола кусок хлеба, затолкал в рот картофелину и выскочил на крыльцо. Перебежал огород, перепрыгнул плетень и кинулся в лес.

Бежал, пока не стих шум моторов. Бежал и удивлялся: надо же, на своей земле, а петляет от врага, как заяц!

Остановившись на минуту, Иван прожевал картошку и принялся за хлеб: неизвестно, когда еще удастся поесть, надо подкрепиться.

Съев все до последней крошки, он определил стороны света по стволам деревьев и направился на восток – надо было идти к своим.

Иван был в угнетенном состоянии. Он на своей территории, но она занята немцами. Другое время, другие, военные и суровые, законы. А у него – ни документов, ни «легенды». Вот выйдет к своим, и не исключено, что отведут его в Особый отдел. Что он там скажет? Что попал сюда из двадцать первого века? Да его сразу к стенке поставят, никто и разбираться не будет.

Немцы ведь и в самом деле засылали в наш тыл разведывательные и диверсионные группы. Они наводили панику, резали линии связи, убивали наших командиров. И он запросто попадет под этот каток. Для него – личная трагедия, но что она значит по сравнению с трагедией огромной страны? Армия к войне не готова, штабы ситуацией не владеют, фронты под напором танковых клиньев врага быстро меняют очертания, а Сталин в растерянности.

Но Иван решил для себя: он будет биться с врагом до тех пор, пока руки в состоянии будут держать оружие. Деда его не посрамили чести, так неужели он слабее духом? Пришли для страны тяжелые времена, и он не вправе остаться в стороне.

С запада нарастал тяжелый гул.

Иван поднял голову. На высоте около полутора тысяч метров шли немецкие бомбардировщики. Он сразу опознал силуэты «Юнкерсов-88», видел их не раз на Plane.ru. Вот обнаглели, гады, идут как на параде, без прикрытия истребителей.

Однако Иван ошибался. Прикрытие было, но выше и немного в стороне. Из-за деревьев, невидимый раньше, вынырнул наш «И-16», прозванный «ишаком». Он сразу стал набирать высоту и с ходу всадил очередь из пулеметов в брюхо идущему первым «Юнкерсу». Иван сам видел дымные трассы, воткнувшиеся во вражеский бомбардировщик. «Юнкерс» взорвался в воздухе.

«Ишак» отвалил в сторону, и тут же сверху на него свалилась пара «мессеров». Имея преимущество в высоте и скорости, разделились они с нашим истребителем быстро. Несколько пушечных очередей – и «И-16» задымил, от него стали отваливаться куски обшивки.

От падающего самолета отделилась фигурка летчика, и почти сразу же над ним расправился купол парашюта.

– Ох, рано ты его раскрыл, брат! – подсадовал Иван, уже предчувствуя, что сейчас последует.

«Мессеры» сделали еще один заход и прицельным огнем из пулеметов расстреляли пилота. Иван сам видел, как темный комбинезон летчика стал пятнистым и через дыры проглядывало кровавое белье.

Немцы понеслись дальше, а мертвый пилот опускался в лес, и Иван побежал к месту его предполагаемого падения.

Сначала он увидел купол на дереве – под ним болтался на стропях пилот. Ноги его едва не доставали до земли.

Иван взобрался на дерево и стал дергать стропы. В какой-то момент сучья не выдержали, обломились, и тело пилота рухнуло на землю. Иван и сам едва удержался, чтобы не упасть. Осторожно он слез на землю.

Ему хватило одного взгляда на пилота, чтобы понять – мертвое не бывает. Голова летчика была разmozжена, живот и ноги изрешечены пулями.

Мертвых Иван боялся, даже на похороны не ходил. А теперь присел рядом, посмотрел на окровавленное лицо. Потом достал из нагрудного кармана его комбинезона документы. В первые месяцы войны пилоты летали с документами, но затем вышел соответствующий приказ, и перед вылетом пилоты стали сдавать личные документы комэску или в штаб. Документов было три: комсомольский билет, красноармейская книжка и пилотское удостоверение.

Иван всмотрелся в фото на комсомольском билете. Молодой парень, и чем-то на него, Ивана, похож: такие же светлые волосы, только стрижка короче. Сколько же ему лет? В билете год рождения – двадцать второй. Да, погибший пилот моложе Ивана, ему всего девятнадцать лет. А мужества и храбрости герою не занимать. В одиночку бросился на бомбардировщики и истребители.

Иван раскрыл красноармейскую книжку. Сержант Кравчук Николай Емельянович, однадцатая авиадивизия. Не успел дослужить парень до офицерского звания, и наград нет.

Пилотское свидетельство – окончил Ейскую авиашколу. Фото, печати, подписи начальников – все как положено. Документы еще новые, не потерянные.

Иван положил их в карман своего комбинезона. Надо будет отдать командирам, когда к своим выйдет, рассказать, как погиб пилот. И схоронить бы надо его по-человечески, а чем могилу рыть? Ни лопатки саперной – ни даже ножа.

Иван снял с пилота планшет на длинном ремешке – там была карта. Для пешего хода она была не очень пригодной, мелких деталей нет. А вот для скоростного самолета – в самый раз. Отметок на карте нет. На поясе пилота кобура с пистолетом.

Иван расстегнул пояс на убитом, снял кобуру, прицепил ее на свой пояс и вытащил пистолет. Он был новым, с незатертым воронением, «ТТ» тридцать восьмого года выпуска. Вышелкнул обойму, маслянисто засветились патроны. Несколько раз передернул затвор, пощелкал курком. Оружие в руке вселяло некоторую уверенность. Только попадет ли он в цель, когда надо будет? Из пистолета, малокалиберного «марголина», он стрелял несколько раз в тире ДОСААФ, но и только. В круг попадал, но ведь он большой и стоит неподвижно.

Иван защелкнул обойму и вложил пистолет в кобуру. Потом стал дергать за стропы, стараясь стащить шелковый купол с дерева на землю, – с воздуха он был замечен.

Пока он раздумывал, что предпринять, в отдалении послышалось несколько выстрелов, потом автоматная очередь. Следом ударил винтовочный выстрел – уже ближе. Не время стоять.

Иван бросился бежать. «Чего тут нашим стрелять? – резонно рассудил он. – Значит, это немцы».

Он бежал, лавируя между деревьями, начал продираться через высокие кусты и неожиданно свалился в узкий и длинный овраг, по поросшему травой склону съехал на пятой точке на самое дно. Остановившись, затаился и слушал.

Через несколько минут послышался треск веток, а потом вниз на животе съехал красноармеец – без пилотки. Однако трехлинейку он крепко сжимал в руке. Увидев Ивана, замахнулся прикладом:

– Ты кто такой?

– Русский я, свой! – Иван испугался, что красноармеец сейчас приложит его прикладом.

– А! – сразу успокоился красноармеец. – Ты молчи, немцы рядом.

Боец упал на траву. От бега он запыхался и дышал тяжело.

В стороне ударили несколько автоматных очередей.

– У тебя патроны есть? – прошептал боец.

– К пистолету только.

– Жаль, у меня патронов нет.

Петлицы у бойца были черные, и значок непонятный. Иван знал, что петлицы такого цвета имели технические войска – танкисты, артиллеристы, связисты.

Выстрелов в лесу не было слышно, и боец подполз к Ивану:

– Ты летчик, что ли?

– Летчик.

– А я с бронепоезда, восьмой дивизии. Пулеметчиком был.

– А где твой бронепоезд?

– Разбомбили. Мы на станции стояли, бронепоезд пополнял запасы воды и угля. И вдруг налетели эти. Я и понять ничего не успел, а вагоны бронированные как консервные банки разорваны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.